

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 130.2

*А.А. Горохов*ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДАХ
К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Рассматриваются социально-философские идеи русского консерватора XIX в. К.Н. Леонтьева, относящиеся к народной культуре, к социальному и политическому значению культуры. Также рассмотрены подходы разных идеологических течений (консерватизм, либерализм, социализм) к национальному культурному наследию.

Ключевые слова: русский консерватизм; национальная культура; народность; просвещение.

В разных идеологических течениях отношение к культуре различается. Либеральные и социалистические идеи являются результатом протеста против традиционного общества. Поэтому эти идеологии рассматривают возможность общественного развития через пересмотр значения традиционного наследия предыдущих этапов общественного развития. Такой подход обусловлен тем, что либерализм и социализм в своей основе имеют универсальные общественные ценности, которые присущи всем обществам. Исходя из такого посыла, особенности, характерные для каждого в отдельности исторически развитого общества, данные идеологии нивелируют. Тем самым они вызывают протест со стороны представителей национальных культур, социальных групп, считающих, что культурное наследие является основой для общественного развития. Выразителями национального подхода к общественному развитию являются идеологи консерватизма. Именно в консерватизме уделяется большое внимание национальному культурному наследию, а модернизация, с точки зрения представителей этого идеологического течения, не означает отрицания традиционных ценностей. При разработке социальных программ и политических проектов на базе консерватизма учитываются культурное своеобразие и традиционные ценности того общества, в котором эти программы и проекты будут реализовываться.

Но для того чтобы защищать ценности национальной культуры, необходимо осознавать ее сущность. Поэтому консерваторы в начале теоретического становления консервативной идеологии уделяли большое внимание проблеме культуры. В отечественной консервативной традиции наиболее разработанную теорию национальной культуры мы находим у русского консерватора XIX в. К.Н. Леонтьева. При этом выводы Леонтьева в чем-то совпадали, а в чем-то расходились с теоретическими построениями других консерваторов XIX в., в частности с идеями славянофилов и теоретиков триады С.С. Уварова («официальной народности»).

К.Н. Леонтьев разработал своеобразный подход к народной культуре, к ее социальному и политическому значению. Философ утверждал, что «культура есть не что иное, как своеобразие» [1. С. 21]. Свообразие проявляется, во-первых, через систему принципов и идей в религии, политике, юриспруденции, философии, экономике; во-вторых – через вещественные явления. К

вещественным проявлениям культуры Леонтьев относил «очень большое общество людей, города, села, здания, семейные картины, природные обычаи, богослужения, междоусобия, войны, литературные произведения, одежды, изречения, замечательные людские характеры, подвиги, страдания, добродетели и низости и т.д.» [1. С. 21]. В совокупности элементы культуры составляют государство и общество. Все проявления культуры, как он считал, должны быть красивы и своеобразны. Красота у Леонтьева имеет социальное проявление, которое выражается, с одной стороны, в разнообразии, а с другой – в единстве.

К.Н. Леонтьев всю общественную проблематику и особенно политические вопросы рассматривал исходя из принципа: способствует ли разнообразию и сохранению единства то или иное явление или нет. Мы видим здесь нормативный подход, где критерием сравнения является культура (культура – своеобразие – разнообразие и единство). Используя такой принцип, философ мог многие социальные явления воспринимать критически. И понимание народной культуры у него достаточно критично.

Если культура у Леонтьева является критерием выбора социальных действий, следовательно, он должен в своих теоретических взглядах отстаивать своеобразие культуры народа России – народности, а также провозглашать принципы, направленные на развитие особенностей национальной культуры. Но, к примеру, С.Н. Булгаков считал, что «Россия как таковая для него ценна лишь постольку, поскольку хранит и содержит религиозно-культурное наследие византизма, да есть еще оплот спасительной реакции, сама же она обречена оставаться в состоянии ученичества и пассивного усвоения. А византизм есть, конечно, лишь более раннее лицо Европы же» [2. С. 374]. Современный исследователь идей Леонтьева Е. Гревцова пишет, что «точку опоры для себя Леонтьев находит в “византийском православии”, но не только... Леонтьев вдохновляется также своей верой в Россию, в которой хотя и “глубоко перемешаны”, теперь, по его замечанию, две культуры – византийская и эвдемоническая» [3. С. 60]. Основываясь на заключениях С.Н. Булгакова и Е. Гревцовой, можно сделать вывод, что Леонтьев видел в основании русской культуры инородные элементы. Но византизм, по мнению философа, в России усвоился так, что он стал своеобразным, отличительным ее призна-

ком. Если мы начнем рассматривать содержание леонтьевского византизма, то обнаружим, что это известная триада русского консерватизма XIX в.: «Самодержавие – Православие – Народность». Но если славянофилы и апологеты триады С.С. Уварова видели в народной культуре только своеобразие и отвергали наличие в ней заимствования из других национальных культур, то Леонтьев в народной культуре видел более сложную структуру. Он считал, что в народной культуре возможны заимствования, но при условии, что они будут способствовать единству и разнообразию.

Византизм в государстве – это самодержавие, в религии – православие, а что же он в народе? В чем византизм воплощается у народа, в каких качествах, в какой политической культуре, какой тип политического поведения наиболее характерен для народа?

Г.Ф. Слесарева считает, что византизм в русском народе у Леонтьева воплощается через особую нравственность «к разочарованию во всем земном, в счастии, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству» [4. С. 107].

Кроме того, народный византизм отразился в следующих социокультурных особенностях.

Во-первых, в отношении к политике и государству «простолюдин любит Царя не за то только, что он сделал для него вот то-то и то-то, а за то именно, что Он – Царь! ...Мы должны рассуждать так: «Русский Царь по существенному атрибуту Его власти, по основным законам государства имеет право на всякое действие, кроме одного – кроме действия самоограничения» [5. С. 512]. То есть власть ничем не должна быть ограничена. Но при этом неограниченность власти характерна только для одного лица в государстве. Здесь необходимо отметить, что Леонтьев не отрицал значения законов как регуляторов общественных отношений для русского человека в отличие, к примеру, от славянофилов. Леонтьев был убежден, что если человек «не признает договора и внешней правды не любит, так надо за это сечь! ...когда станут точно так же вести себя целые десятки тысяч обыкновенных людей, то это станет нестерпимо» [6. С. 397]. Леонтьев не считал, что непризнание законов, правовой нигилизм является особенностью народной культуры России.

Во-вторых, византизм нашел проявление в народном пессимизме: «Мужик ...уже тем умен и хорош, что он в прогресс не верит ...воззрение на неизбежность в жизни страданий, зла, обид, разочарований и даже ужасов, на невозможность устранить все это разумом, наукой и гражданской правдой и даже на огромную, косвенную пользу всех этих зол» [5. С. 513–514]. К.Н. Леонтьев считал, что это не просто пессимизм, а оптимистический пессимизм. Оптимистический пессимизм является, по его мнению, альтернативой эгалитарному процессу, который несет уравнение, простоту, культурное и государственное разрушение.

Если для славянофилов и для апологетов триады народность – это уже сформировавшийся культурный тип, то для К.Н. Леонтьева народность является ценностью только в перспективе, в будущем. Современное же состояние – только основа, на которой может развиваться очень оригинальная своеобразная культура. При этом философ опасался, что основу могут разрушить:

«...надо, чтобы нам не испортили эту роскошную почву, прикасаясь к которой мы сами всякий раз чувствуем в себе новые силы» [7. С. 385]. Одним из возможных социальных процессов, который может остановить развитие своеобразной национальной культуры, Леонтьев считал просвещение.

Но нет ли тут противоречия? Ведь считается, что именно просвещение несет культуру. Поэтому консерваторы уделяют большое внимание вопросам просвещения. Леонтьев здесь не противоречит консервативным принципам. Как мы отметили ранее, он подходит к оценке социальных процессов нормативно. Если какой-то процесс не предполагает развития своеобразной культуры, то он его отрицал и не считал нужным воплощать в общественной жизни. «Если же жизнь должна быть своеобразна – а своеобразие сохранилось в нашем народе лучше, чем в нашем высшем и ученом обществе, то надо дорожить этим своеобразием и не обращаться с ним торопливо, дабы не погубить своей исторической физиономии, не утратить исторических прав на жизнь и духовный перевес над другими» [7. С. 398–399]. Леонтьев не отвергал просвещение народа, он призывал в XIX в. в России формировать процесс просвещения на основе национальных ценностей. Задачу образования философ видел не в постижении фактов, а в том, чтобы познать «национальное своеобразие, без которого можно быть большим, огромным государством, но нельзя быть великой нацией» [7. С. 388].

Необходимо отметить, что Леонтьев различал образованность и развитость. Философ считал, что русский мужик не всегда образован, но при этом весьма «...умен, тонок, предприимчив, в нем много поэтического и музыкального чувства... Он умеет изворачиваться в таких обстоятельствах, в которых растеряются грамотные, но тупые французские или немецкие поселяне» [7. С. 384].

Н.К. Леонтьев подчеркивал, что только «тот народ наилучше служит и всемирной цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития; ибо одними и теми же идеями, как бы ни казались они современникам хорошими и спасительными, человечество постоянно жить не может» [7. С. 383–384].

Но своеобразная цивилизация сформируется только в том случае, если народ останется «разнохарактерен в самых недрах своих и во всецелости наиболее на других не похож» [7. С. 393]. А для этого необходимо «обособление национального типа (при этом крепкое государство само собой разумеется), другое условие, ...существование сословных типов; своеобразных бытом и духом провинции и окраин, и даже создание новых религий, ересей (не рационально-нравственных... а мистических)» [6. С. 382]. А также «реальное разнообразие... не может долго держаться без формирующего, сдерживающего, ограничительного, мистического единства» [6. С. 382]. Единство же обеспечивает православие, т.к. «православие есть для большинства русских граждан главная связующая их воедино духовная сила; воедино – от Царя и знати до нищих и даже каторжников» [8. С. 605].

А пока, как полагал Леонтьев, в России «слишком еще мало своих смелых мыслей, своих оригинальных вкусов; своего творчества; своей, скажем, вообще, культуры. Мы даже охранители плохие до сих пор. Тот же Аксаков пре-

красно сказал: «Умирать (на поле брани) мы умеем, как русские; но мы не умеем жить, как русские» [6. С. 392].

С таким положением Леонтьев не хотел смириться, и в то же время он не призывал отказаться от тех заимствований, которые уже являются историческим фактом. «Не обращаясь вспять, не упорствуя в неподвижности, принимая все то, что обстоятельства вынуждают нас принять, разумно, без торопливости деревенского “*rogvenu*”, принимающего медь за золото, лишь бы медь была в моде у европейцев, мы можем, если пойдем вполне и сами себя и других, не только сохранить свою народную физиономию, но и довести ее до той степени самобытности и блеска, в которой стояли поочередно, в разные исторические эпохи, все великие нации прошедшего» [7. С. 361].

Развить же свою культуру, достичь своеобразия невозможно «если мы по прежнему будем и при этом

случае обладать лишь нравственным и государственным мужеством, не обнаруживая ни на каком поприще умственной дерзости, свойственной всем истинно культурным, творческим народам...» [9. С. 196].

В итоге мы можем констатировать, что Леонтьев понимал под национальной культурой не совокупность архетипов, а каждодневный процесс по достижению своеобразных форм и отношений во всех областях жизни общества. Но при наличии разнообразия культура должна сохранять общественное единство. Национальная культура – это не только достояние одного народа, а достояние всей человеческой цивилизации, и поэтому она является основой всех социально-политических отношений в обществе. Политическая практика должна учитывать культурные особенности народа, а также способствовать формированию великой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубцова Т.Н. Концепция культуры К.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 7. 1991. № 4. С. 20–31.
2. Булгаков С.Н. Победитель – Побежденный // Леонтьев К.Н. Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2. С. 376–393.
3. Гревцова Е. Философия Культуры А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002.
4. Слесарева Г.Ф. Константин Николаевич Леонтьев // Философские науки. 1991. № 11. С. 105–115.
5. Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом // К.Н. Леонтьев. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 503–532.
6. Леонтьев К.Н. Письма к В.С. Соловьеву // К.Н. Леонтьев. Избранное. М.: Рарогъ, 1993. С. 127–400.
7. Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // К.Н. Леонтьев. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 351–400.
8. Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика // К.Н. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996. С. 600–625.
9. Леонтьев К.Н. Храм и Церковь // К.Н. Леонтьев. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 191–206.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 сентября 2008 г.